

УДК 821-84

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «РУССКОСТИ» В ЧЕРНОСОТЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Размолодин Максим Львович
к.и.н.
УФСБ РФ по Ярославской области, Ярославль, Россия

В статье рассматриваются вопросы, связанные с идентификацией черной сотней понятия русский народ. Исходя из консервативной сущности крайне правой идеологии, принадлежность к русскому народу определялась не этническим происхождением, а принятием базовых ценностей русской цивилизации – православия, самодержавия и народности. Данный подход обусловил интернациональный характер правомонархического движения. Выявленные критерии провели четкую границу между черносотенцами и националистами, для которых определяющим было «кровное родство»

Ключевые слова: ЧЕРНАЯ СОТНЯ, КРАЙНЕ ПРАВАЯ ИДЕОЛОГИЯ, РУССКИЙ НАРОД, САМОДЕРЖАВИЕ, ПРАВОСЛАВИЕ, КОНСЕРВАТИЗМ

UDK 821-84

IDENTIFICATION OF RUSSIAN PEOPLE'S CONCEPTION IN THE BLACK-HUNDRED'S IDEOLOGY

Razmolodin Maxim Lvovich
Cand. Hist. Sci.
Yaroslavl Department of the Federal Security Service, Yaroslavl, Russia

The article covers problems connected with identification of Russian people's conception in Black-Hundred's ideology. Starting from conservative foundation of extreme-right doctrine, the Black Hundred determined the belonging to the Russian people not by the unity of ethnic origin, but by acceptance of basic values of Russian civilization - Orthodoxy, autocracy, nationality. This approach caused international nature of the right-monarchical movement. Stated criterions gave grounds to detach the Black Hundred and nationalists

Keywords: BLACK HUNDRED, EXTREME RIGHT IDEOLOGY, RUSSIAN PEOPLE, RUSSIAN ORTHODOX MONARCHY, ORTHODOXY, CONSERVATISM

Черносотенцы отвергли универсализм понятия нации, его западное определение, смысловое содержание и трактовку. Самобытность черносотенной доктрины заставляла их ограничиваться рамками российского масштаба при разработке понятия «русская народность», рассматривавшейся как сугубо национальная категория, локализованная в границах национальных традиций. Отказавшись от решения несвойственных ей всемирных «универсалистских» задач, черная сотня находила опору в национальных идейных корнях, в частности, в русском консерватизме, а не в западных схемах. В связи с этим черносотенцы отказались от расово-биологического критерия определения понятия нации, а также широкого использования самого термина «нация», заменив его народностью. Сохранявшие верность имперской парадигме идеологи черной сотни осудили расовую теорию не только в целях гармонизации межнациональных противоречий в России, но и из «патриотических

соображений», не желая безоговорочно опираться на теории западных национал-антропологов. Они не обращали особого внимания на четкую теоретическую разработку оперируемых ими терминов, так как их доктрина не имела генетической зависимости от европейских учений.

Отрицательно относясь к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы придерживались иной трактовки понятия «нация». В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по единству этнического происхождения и территории проживания черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание. «Плотское единство» крайне правым казалось недостаточным: «Националисты не считают единство, религию и политический строй за устои государства, находя, что эта вещь сторонняя, как кто хочет так пусть и понимает» - писало «Русское знамя» [1].

Обозначить идейный водораздел между черносотенным подходом и националистическим было для идеологов черной сотни тем необходимее, что любые попытки проповеди русской национальной исключительности мешали реализации мессианской задачи России проповеди православия. Л.А.Тихомиров считал националистический подход недостойным великого народа, имеющего мировые задачи. «У нас нынче, среди правых, – писал он, – иногда проявляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской “национальности”. Но это в высочайшей степени антирусская черта... Русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право

русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени» [2, с.220].

В своих подходах к определению понятия народности черносотенцы следовали за своими славянофильскими и постславянофильскими учителями. Народность понималась в нераздельности с православием и самодержавием и не имела самодовлеющего этнического значения. Иными словами, народность понималась как религиозная (православная), политическая (самодержавие) и культурная (язык, быт, просвещение) общность. Содержательная сторона данного понятия была раскрыта в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных в мае 1912 года IV Всероссийским съездом Союза русского народа: «... народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1) вероисповедания, 2) государственности и 3) своебытной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев)» [3]. Этническому подходу националистов черносотенцы противопоставили «почвенническое» содержание понятия народности, которое рассматривалось как исторически сложившаяся самобытная общность, связанная племенным родством, территорией (всею русскою землею) и возделыванием ее плодов для материального удовлетворения нужд. Культурный компонент народности определялся как идентичность самосознания народа, обусловленный общностью «языка, науки, просвещения и всего того, что творится в Отечестве всеми средствами человеческого разума для блага общественного и частного». Культурная составляющая в значительной степени являлась производной от религиозного элемента, а потому носила второстепенное значение, что было зафиксировано в Своде понятий русских монархистов: «Народность же требует, кроме языка, истории (быт), нравов, обычаев и просвещения (культуры), единство: 1) веры, 2) царства и 3) земщины» [4].

Таким образом, под народностью черносотенцы понимали духовно-религиозное, политико-идеологическое, культурно-историческое и

соборное единство русских людей. Данная трактовка коренным образом отличалась от пришедшего с Запада понятия нации, в который националисты вкладывали этническое, «кровное» родство, а либералы государственно-гражданскую сплоченность. Сравнивая нацию с народностью, черносотенцы указывали, что нация является понятием более общим по объему и менее содержательным по сути: «Нация есть искусственное общество людей разного рода и племен, разно верующих и не всегда говорящих одним общим языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Противопоставляя два понятия, крайне правые указывали на необязательность присутствия у нации важнейших атрибутов, составлявших понятие народности. «Национальность может обходиться без веры и вероисповедания (французы), рода и племени (австрияки), без страны и земли (жиды), без государственности (цыгане, жиды)» - утверждалось в программных документах крайне правых. При утрате одного из базовых компонентов русской народности черносотенцы указывали на опасность ее перерождения в «национальность» или «нацию». «Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности русская народность перестает быть народностью, а становится антинародною нерусскою национальностью» - говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов [5].

Народности противопоставлялся и космополитизм, давая определение которому, крайне правые делали акцент на отсутствии у него каких-либо атрибутов, присущих как понятию народности, так и нации: «Учение о такой безнародности, при которой будто возможно гражданское сплочение, которое охватывало бы всю земную поверхность без различия народности и национальности». По мнению черносотенцев, в утверждении космополитизма были заинтересованы «паразитное жидовство и масонство», которые посредством внедрения его в сознание народов пытались ликвидировать охранительно-защитительную функцию нации и

народности и обеспечить себе доступ к власти и национальным богатствам страны. В этой связи и повсеместное внедрение на Западе понятия нации в вышеуказанной трактовке рассматривалось как переходный этап к космополитизму: на пути «прогресса» нация постепенно теряла бы один за другим свои защитные компоненты, разлагалась и превращалась в лишенную национальных черт людскую массу - объект для эксплуатации еврейских банкиров и промышленников. Космополитизму противопоставлялось христианство, которое «объединяет все народы, без разрушения народного облика, масонство же стремится обезнародить народ, как пытается оно обезнародить и обессилить государство и обезверить веру». Исходя из вышеизложенного, заявлялось, что и национализм и космополитизм для русской народности одинаково вредны, так как разрушают «народность русскую, уничтожают, в конце концов, русскую государственность и русскую церковность» [6].

Итак, принадлежность к русскому народу определялась через принятие основных компонентов теории официальной народности: православия, самодержавия и народности. В мае 1907 года «Русское знамя» кратко, но емко утверждало: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [7]. Они стали идентификационными чертами истинно русского человека. «Три основные начала сознательно или бессознательно, но, во всяком случае, твердо начертаны в сердце каждого честного русского человека, любящего Родину и верного долгу и присяге» - утверждалось в постановлениях III Всероссийского съезда русских людей [8]. Состоявшийся в ноябре 1911 года в Москве Всероссийский съезд СРН к истинно русским относил лиц, «твердо, до самозабвения исповедующих наши Святые основоположения, единственно и исключительно способных осуществить самодержавную волю нашего царя» [9]. Рассмотрим подробнее систему аргументации,

предлагаемую черносотенцами при определении понятия русской народности.

1. принадлежность к православию как трактовка русскости.

Основной характеристикой русскости являлась православная религиозная традиция, сформировавшая за тысячелетнюю историю русский народ, систему его взглядов и определившая его национальный облик. По заявлению состоявшегося в 1909 году в Москве Монархического съезда, православие «создало сущность русской национальности, всегда являлось единственно прочным и жизнетворным началом...» [10]. Черносотенное «Русское знамя» писало, что православие есть «целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение закон народа должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него» [11]. Тезис о роли РПЦ был заимствован у русских консерваторов, в частности Ф.М.Достоевского, писавшего: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет - да и не надо, потому что православие все» [12, с.75].

2. Самодержавный монархизм как трактовка русскости.

Идентифицирующим признаком истинно русского человека являлся также проистекавший из православия монархизм. Черносотенцы отстаивали тезис, что для подлинно верующего православного христианина признание монархии как единственно возможной формы правления являлось само собой разумеющимся. Крупный исследователь черносотенного движения С.А.Степанов писал, что для «черной сотни принадлежность к господствующей нации определялась не столько национальностью или религией, сколько степенью преданности престолу» [13, С.22]. В этом утверждении есть уничтожение принципа религиозности, что в отношении «коренных русских людей» не вполне верно. Если православие являлось мировоззренческой основой для идеократической конструкции неразрывно

связанного с ней самодержавия, то верность самодержавию являлась критерием глубины православной веры. По сути, это были две стороны одной медали, определявших понятие русскости: православие являлось его духовным проявлением, в то время как самодержавие – политико-мировоззренческим воплощением.

Отождествление понятия «русский» с верностью самодержавию подчеркивалось и крайне правыми идеологами. «Можно было бы указать отступников православия, преданных отвлеченной идеи монархизма, даже преданных лично тому или другому русскому Государю, но изменника православно преданного идее русского Царского Самодержавия не только указать, но и представить невозможно» - заявлял на собрании монархистов Б.Надеждин [14]. Отказ признать самодержавие национальной формой правления автоматически вело к отрешению от принадлежности к русскому народу. Черносотенная печать всячески напоминала заблудшим либеральным и революционным «овцам», что приверженность монархии является русской национальной чертой: «Тот, кто не православен, тот не русский: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский, потому что эта преданность есть наследие тысячелетних верований» [15].

По мнению черной сотни, самодержавие в наибольшей степени, чем какая-либо иная форма правления, соответствовала характерным чертам русского народа, которые определялись как особые монархические качества: политический консерватизм, врожденный монархизм, покорность властям, аполитичность, неприятие инакомыслия и правового государства. Рассмотрим эти черты подробнее.

Аполитичность. Черносотенцы приняли идеи государственников и славянофилов об аполитичности русского народа, являвшейся следствием присущей ему религиозности. Утверждая, что народные массы не стремятся госуарствовать, крайне правые часто использовали в своих программных документах и на страницах печати рожденную

славянофилами формулу: «Внешняя правда - государству, внутренняя правда - земле; неограниченная власть - царю, свобода мнения и слова - народу» [16, с.18]. Представления о предназначении русского народа жить на земле и в Боге четко выразил неославянофил Д.А.Хомяков, утверждавший: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе самодержавия, т.е. устранения от политиканства, в котором видит лишь необходимое (или неизбежное) зло, которое возлагает, как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо - государя...» [17, с.125.]. Следуя этим размышлениям, крайне правые пропагандировали идею о том, что русский народ, добровольно отрекаясь от власти, передает правление царю: «Народ может наслаждаться полным счастьем, когда вся власть над ним сосредоточена в одних руках, когда им управляет одно лицо, то есть монарх, который своей могучею властью устраняет противоречия, все различия во взглядах мелких начальников», т.е. также нейтрализует противостояние внутри бюрократического аппарата [18]. Помимо отвлеченно религиозной аргументации монархисты применяли и аргументацию из практической области, указывая, что для решения государственных вопросов народ не обладает достаточной компетенцией, уровнем образования и времени в силу занятости производством материальных благ.

- *повиновение власти как этическому принципу.* Исходя из присущей консервативной идеологии установке об иерархическом строении общества, подчинение государству и склонность к смирению превозносились черносотенцами как лучшие качества, присущие русскому народу. Русскому национальному характеру действительно свойственен высокий уровень ожиданий от государства, персонифицирующийся в лице его главы. Со времен Ивана Грозного в народе культивировался сформулированный им тезис о повиновении православному царю как части христианского благочестия. Это было проявлением не рабской покорности, а утверждение патриархально-семейных отношений между царем-батюшкой и его народом:

«Ты один, государь, должен стоять выше всех законов и умягчать своей властью несовершенство их и должен стоять никем незаслоненный пред своими подданными...» – говорилось во всеподданнейшем адресе собрания Монархической партии [19]. Потребность к смирению и покорности рассматривалась не как аномалия, а норма. «Искание над собой власти», по замечанию К.П. Победоносцева, представляет естественную психологическую черту людей. Государство и власть защищают народ, монарх подобен «отцу», а его подданные «детям». Их подчинение и покорность - не проявление «рабской сущности», а следование известному евангельскому правилу - «будьте как дети» (Мф. 18,3).

- *врожденный монархизм*: Черносотенцы выдвинули тезис о том, что единоличная власть отвечала природе русского народа. Естественный монархизм славян проявился еще до принятия христианства призыванием варягов, от которых потребовали установления сильной власти и прекращения беспорядков [20]. Монархия объявлялась производной от национальных интересов народа: «Не верю в коллективный ум, а потому и в парламентаризм. Верую только в монархизм» - отражал мнение миллионов своих соратников на съезде монархистов в 1906 году священник Пестряков [21, с.162]. Только единодержавная власть могла обеспечить в стране жесткий порядок, иерархичность, следование исторически предначертанным России самобытным путем, что вызывало неприятие западноевропейских демократических институтов, правового государства и инакомыслия.

Самодержавие вытекало из национальных свойств русского народа и рассматривалось как самобытная форма государственного управления. Религиозное мировоззрение народа порождало инстинктивное стремление к истинно монархической власти. «Главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно – симптом известного духовного строя народа» - тиражировало высказанное славянофилами утверждение на своих страницах черносотенное «Русское знамя» [22].

Самодержавие отвечало и соответствовало социальному строю русского народа, в основе которого лежали патриархальные устои крестьянской семьи, сословность, связь народа и власти через земщину и православие. Иными словами, исторически выросшее на русской почве самодержавие было тесно связано с «миросозерцанием народа и всем его бытом». На протяжении всей своей истории русский народ оставался предан монархической форме правления: «Загляните бегло в русскую историю, и вы найдете ..., что от интриг, неправды, и лихоимства «приказных», от духовного убожества и гнета правительства – народ бежал в дремучие леса, и там, оставаясь верным своим вековым идеалам, он воздвигал святыне, православные монастыри – будущие оплоты государства – и молился за Россию и самодержавного царя» [23]. В критические моменты истории монархия репродуцировалась заново, что подчеркивало адекватность подобной государственной организации не чьим-то частным интересам и представлениям, а всему русскому народу в целом. В данном случае представляется вполне обоснованной точка зрения писателя и публициста И.Л. Солоневича, который говорил об органической природе русской монархии [24].

Особые монархические качества русского народа проявлялись в критические моменты русской истории. Указывая на естественный «монархизм» русского народа, черносотенцы заявляли о возможной республиканской альтернативе России после смерти Ивана Грозного и прекращении династии Рюриков: «...свободный народ мог установить конституцию, республику, завести выборных царей, сильно ограниченных в своей власти, как в соседней Польше. Но народ оставил самодержавие...» [25]. Такая же альтернатива возникла и двумя столетиями позже - в 1812 году, когда русский народ имел возможность «сменить свое позорное рабство, на ту, золотую якобы, республиканскую свободу, которую им предлагал Наполеон...» [26].

В славянофильском духе черносотенцы на страницах газет доказывали, что все мятежные выступления в истории России имели не общественно-политическую, а нравственно-религиозную окраску. Их причинами были: сомнение в законности царствующего лица, недовольство крепостным состоянием и усиление бюрократических порядков. Главным импульсом народных выступлений объявлялась не борьба за политические свободы, а самозванство, вызванное стремлением заступиться за «законного» царя. Принятое Пугачевым имя Петра III, придало ему легитимность в глазах народа, который всегда чувствовал свою солидарность с верховною властью и ожидал исполнение своих желаний именно сверху. Бунт С.Т. Разина не устоял, как только его последователи убедились, что государь не согласен с их атаманом. Таким образом, русские бунты имели не либерально-демократическую, а псевдолегитимную монархическую основу. Заговоры и дворцовые перевороты высшего эстеблишмента XVIII века, приводившие порой к серьезным потрясениям государства, никогда не были направлены на коронованный принцип или Божественную первооснову самой царской идеи.

Для инородцев верность самодержавию (а не православию) оказывалась определяющей при идентификации принадлежности к русскому народу. Если для коренного русского православие и монархизм являлись необходимыми требованиями для признания их истинно русскими людьми, то инородец мог исповедовать свою традиционную религию, но если он принимал самодержавие как единственно допустимый в России способ правления, то имел шанс называться истинно русским человеком. Таким образом, термин «истинно русский» в отношении инородцев означал не этническую, а скорее политическую принадлежность. Поэтому и носителями русского национального духа, выразителями национально государственного сознания выступали часто люди, имевшие или малую толику «чисто русской крови», или не имевшие ее вовсе. Никого не

удивляли и планы руководства СРН создать Мусульманский союз русского народа из казанских татар. Отсюда становится понятным наличие отделов черносотенных союзов, состоявших исключительно из инородцев. Так, в Казанской губернии действовало Царско-народное русское общество (ЦНРО), 3 отдела которого целиком состояли из мусульман, и самостоятельное Царско-народное мусульманское общество. Около 15 % отделов всех черносотенных союзов в губернии были чувашскими [27, с. 18]. Полной противоположностью выступали евреи, чья революционность, стремление к республике и парламентской демократии разводило их с черносотенцами по разные стороны баррикад. Впрочем, мизерная часть евреев пыталась показать свою преданность престолу. В Одессе в феврале 1910 года возникло «Общество евреев, молящихся за царя» Моисея Кениса [28, с.296-297], пытавшееся безуспешно примкнуть к черносотенному движению.

3. Культурно-психологическая и историческая общность как трактовка русскости. В дополнение к конфессиональному и политическому элементам принадлежности к русской народности черносотенцы добавляли также культурно-психологическую и историческую составляющие, под которыми понималось служение русской цивилизации, духовное соучастие в ее судьбе, верность ее историческим заветам, вписанность в русскую культуру и традиции, принятие ее прошлого, неразрывная связь с русским народом и с русской землей. Интерпретация национального феномена в категориях духовной культуры позволяла черносотенцам преодолеть присущую националистам узость «кровного» критерия принадлежности к державному народу и широко раскрыть двери в русскую семью для представителей других этносов, признававших национальные интересы России приоритетными по отношению к своим собственным, а тем более не становившихся к ним враждебно. Расширительная трактовка русскости была зафиксирована в

программах большинства черносотенных организаций. В официальном документе Союза Михаила Архангела сынами России признавались «лица других вероисповеданий, кроме иудейского, но с тем неперменным условием, чтобы свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, они отнюдь не противопоставляли, а подчиняли и сливали с общими интересами Российского государства» [29].

Служение России обеспечивало интеграцию в состав русского народа даже тех людей, кто по своему происхождению не имел и капли русской крови. Крайне правая пресса писала: «Как сметь, наконец, не признавать русскими мучеников долга, отдавших родине свою жизнь, свое время, свое состояние. Понадобился бы целый том, чтобы перечислить нерусские имена русских патриотов от петровского Лефорта и Ганнибала до современных Алиханова и Каравгоzona, от Екатерины Великой до супруги Александра I, от Карамзина до Тагиева, от князя Цицианова, завоевателя Кавказа, – до Меллер-Закомельского, от генерала Дибича, Багратиона, Барклай-де-Толли, Кауфмана до Рененкампа, Рейбота и фон дер Лауница, от Пушкина до Лермонтова...» [30]. Под словом «русский» черносотенцы понимали и представителей инородческих родов, давно живших в России и разделивших ее исторические судьбы: «Да где же вспомнить, хотя бы приблизительно, всех инородцев, всех, рожденных мусульманками, грузинками, француженками, поляками, литвинками, гречанками, шведками, немками и даже финляндками и все же ставших настоящими русскими людьми, готовыми отдать, да и отдавшие всю свою жизнь, всю свою кровь, все свое состояние в пользу родины» [31].

Как видим, данные выше характеристики народности определяли размытость этнического компонента в определении понятия «русский». Черносотенцы предлагали формулу единения народов империи на основе самосовершенствования в христианском духе, благодаря наличию «надобщественного» самодержавия и универсального православия.

Несмотря на многочисленные обвинения в национализме и шовинизме, данный подход давал им возможность преодолеть узкий национализм и широко открыть двери в свои организации для представителей других национальностей. Не последнюю скрипку в черносотенных организациях играли не столько русские, сколько русские немцы, всегда являвшиеся опорой трона, и молдавские помещики, до этого себя в русской истории никак не проявившие.

Библиографические ссылки:

1. Русское знамя. 1913. 2 апреля.
2. Тихомиров Л. А. Апология веры и монархии. М.: Москва, 1999.
3. Вестник Союза русского народа. СПб.1912. N104.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Русское знамя. 1907. 13 мая.
8. ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. N981/33 (N8913 и 13315).
9. ГАРФ. Ф.116. Оп.2. Д.1. Л. 80.
10. Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сент.-4 окт.1909. М., 1910.
11. Русское знамя. 1916. 25 февраля.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М., 1983. Т. 27.
13. Степанов С. А. Чёрная сотня в России. 1905-1914 гг. М.: Росвузнаука, 1992.
14. Русское знамя. 1907. 11 марта.
15. Там же. 1913. 2 апреля.
16. Аксаков К.С. Собрание сочинений. М., 1889. Т. I. С.18.
17. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997.
18. Русское знамя. 1907. 5 ноября.
19. ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. N 981/33 (Инв.N 59262ЦХ).
20. Русское знамя. 1908. 15 января.
21. Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906.
22. Русское знамя. 1909. 19 сентября.
23. Там же. 1907. 12 апреля.
24. См.: Солоневич И.Л. Народная монархия. М. 1991.
25. Русское знамя. 1907. 16 октября.
26. Там же. 1913. 5 февраля.
27. Алексеев И.Е. «Царско-народное мусульманское общество» в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность: Тезисы докладов Республиканской научной конференции. Казань, 1995.
28. Союз Русского Народа. М.-Л., 1929.
29. Прямой путь. СПб. 1912. Вып. V (май).
30. Русское знамя. 1912. 6 октября.
31. Там же.